

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 1 (112). С. 133–147.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 1 (112), pp. 133–147.

Научная статья

УДК 81.38

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-10>

**Лексическая репрезентация лингвокультурного поля «Курение опиума»
в русскоязычном художественном тексте (на материале рассказов Б. Юльского)**

Ли Цзябао^{1✉}, Милянчук Наталья Сергеевна²

^{1, 2} Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,

^{1✉}1092788587@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7898-6656>

²mlnchk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>

Аннотация. В статье рассматривается комплекс лексических средств, репрезентирующих китайскую культуру в рассказах русского писателя харбинской эмиграции Бориса Юльского. Объектом исследования послужили единицы, относящиеся к тематической сфере, представляющей особый исторический и культурологический интерес, – к лингвокультурному полю «Курение опиума». Установлено, что в рамках репрезентации китайской культуры регулярностью употребления и функциональной продуктивностью характеризуются три группы языковых средств: 1) лексемы-китаизмы; 2) кальки; 3) русскоязычные номинации китайских реалий. Лексемы китайского происхождения и результаты китайско-русского калькирования проанализированы с точки зрения семантики, этимологии и стилистических функций в тексте. Русскоязычные лексемы рассмотрены в аспекте функционирования механизма номинации, выявлена их специфика, обусловленная художественными задачами автора произведения. Представление всех лексических единиц сопровождается лингвокультурологическим комментарием.

Ключевые слова: Борис Юльский, лингвокультурное поле, курение опиума, лексема-китаизм, калька, русскоязычная номинация, китайская реалья, стилистические функции

Для цитирования: Ли Цзябао, Милянчук Н. С. Лексическая репрезентация лингвокультурного поля «Курение опиума» в русскоязычном художественном тексте (на материале рассказов Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 1 (112). С. 133–147. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-10>.

**Lexical representation of the language and culture field "Opium smoking"
in the Russian-language fiction text (based on the material of B. Yulsky's stories)**

Li Jiabao^{1✉}, Natalia S. Milianchuk²

^{1, 2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,

¹1092788587@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7898-6656>

²mlnchk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>

Abstract. The article considers a set of lexical means representing Chinese culture in the stories of Boris Yulsky, a Russian writer of the Harbin emigration. The object of the study was the units related

to the thematic area of special historical and cultural interest – the linguistic and cultural field "Opium smoking". It is established that within the framework of the representation of Chinese culture, three groups of linguistic means are characterized by regularity of use and functional productivity: 1) Chinese words; 2) calques; 3) Russian-language nominations of Chinese realities. Chinese word origin and the results of Chinese-Russian tracing are analyzed from the point of view of semantics, etymology and stylistic functions in the text. Russian-language words are considered in the aspect of the functioning of the nomination mechanism, their specificity is revealed, due to the artistic tasks of the author of the work. The presentation of all lexical units is accompanied by a linguistic and cultural commentary.

Keywords: Boris Yulsky, linguistic and cultural field, opium smoking, Chinese word, calque, Russian-language nomination, Chinese reality, stylistic functions

For citation: Li Jiabao, Milianchuk N. S. Lexical representation of the language and culture field "Opium smoking" in the Russian-language fiction text (based on the material of B. Yulsky's stories). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 1 (112), pp. 133–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-1-112-10>.

Введение

Актуальной проблемой современной филологии является исследование языковой и текстовой реализации диалога культур. Особый интерес в этом плане представляет репрезентация иноязычной культуры в художественном тексте. Существует большое количество научных работ, в основном литературоведческих, в которых анализируется содержание и языковое воплощение различных западноевропейских национальных культур в произведениях русских писателей. Русская литература дальневосточной (харбинской) эмиграции дает массу примеров репрезентации восточных культур в русскоязычном художественном тексте, в первую очередь – китайской.

Борис Михайлович Юльский (1912–1950?) – один из самых талантливых представителей русской литературы дальневосточной эмиграции, творческий путь которого целиком и полностью связан с русским Китаем. Китайская культура нашла в рассказах Б. Юльского столь достоверное и самобытное воплощение, что в дальневосточной литературной регионалистике за его творческим методом закрепилось определение «художественная этнография»¹.

Анализ содержания произведений Б. Юльского позволил выявить ряд ключевых сфер материальной и нематериальной культуры Китая, представленных в них:

- дом, домашнее хозяйство;
- курение опиума;
- одежда;
- внешний облик человека;
- религия и мифология;
- музыкальные инструменты;
- традиционные обычаи;
- государство;
- люди – носители китайской культуры.

¹ Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // *Религиоведение*. 2011. № 2. С. 154.

Каждая из этих сфер может рассматриваться как лингвокультурное поле – «совокупность единиц, отражающих соответствующий фрагмент культуры и объединенных общим содержанием»¹.

Цель данной работы – описание лексической репрезентации китайского лингвокультурного поля «Курение опиума» на материале рассказов «Возвращение г-жи Цай» и «Путь Дракона»².

Основная часть

Общий анализ текстов Б. Юльского показал, что китайская культура представлена в них за счет регулярного использования трех типов языковых средств: 1) лексем-китаизмов; 2) китайских калек; 3) русскоязычных номинаций китайских культурных реалий.

В репрезентации лингвокультурного поля «Курение опиума» задействованы все три типа, она включает лексемы-китаизмы *фа-ин* и *даянь-гуан*, фразеологическую кальку *мягкий камень* и ряд русскоязычных номинаций: *опиум, опий, мак, коричневое снадобье, шарик, комочек; лампочка, трубка, чашечка, игла; мак, маковое поле*.

Лексемы-китаизмы, зафиксированные в рассказе «Возвращение г-жи Цай», представляют собой иноязычные вкрапления, малопонятные русскому читателю, и поэтому они сопровождаются авторским метаязыковым комментарием – объяснением значения слова в сноске. Например:

Господин Цай курил опиум. Но ни разу за то время, как пятнадцать раз цвели грушевые деревья, он не посетил даянь-гуан.

В подстраничной сноске:

Даянь-гуан – курильня опиума (прим. автора) («Возвращение г-жи Цай»).

Аналогичным образом в повествование вводится лексема *фа-ин*:

Почтенный Цай был мудр: он курил опиум очень долго и отлично знал, что такое «фа-ин».

В подстраничной сноске:

Фа-ин – точный перевод: штраф за курение, – реакция, выражающаяся в потребности новой порции опиума (прим. автора) («Возвращение г-жи Цай»).

В этом случае автор использует дополнительный ксенопоказатель: берет слово *фа-ин* в кавычки – как «чуждое лексикону пишущего», «непривычное, малоупотребительное»³.

Традиционно подобные единицы определяются как экзотизмы – «слова иноязычного происхождения, обозначающие реалии “чужой” культуры, т. е. такие реалии, которые не стали заимствованиями, следовательно, отсутствуют (и отсутствовали) в

¹ Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). Москва: Издательство РУДН, 1997. С. 58–59.

² Юльский Б. М. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 29–34, 316–324.

³ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под редакцией В. В. Лопатина. Москва: АСТ, 2009. 432 с.

российской действительности»¹. При таком подходе в центре внимания оказывается стилистическая функция этих слов – «придание речи особого (местного) колорита»². Более точная и, на наш взгляд, продуктивная квалификация этих единиц дается в рамках интерлингвокультурологии: они рассматриваются как ксенонимы – результаты вторичной вербализации «элементов иноязычных (“внешних”) культур», непосредственно соотносимые с идионимами – «исходными наименованиями специфических элементов культуры» в языке-источнике³.

Важным для интерлингвокультурологического исследования В. В. Кабакчи считается принцип ксенонимической обратимости, согласно которому «ксеноним для обеспечения точности наименования должен однозначно возводиться к исходному идиониму»⁴, т. е. к обозначению той же реалии на родном языке – языке-источнике.

Контекстуально-семантический анализ и обращение к китайским лексикографическим источникам позволило уточнить этимологию указанных китаизмов и возвести их к идионимам:

даянь-гуан – от 大烟馆 (*dà yān guǎn* – букв. «дом большого дыма») «место для оказания услуг курильщикам опиума – опиумная курительня»⁵;

фа-ин – относительно этимологии этого слова в ходе нашего исследования возникло две версии: 1. 罚瘾 (*fá yǐn* – букв. «наказание за зависимость») «состояние наркотической ломки», в современном китайском языке такое выражение не употребляется, версия основана на пояснении самого Б. Юльского; 2. 发瘾 (*fā yǐn*) «призывание или зависимость, сформированная в результате постоянного приема внешнего раздражителя, выражается в постоянной потребности повторного приема»⁶.

В тексте рассказа «Возвращение г-жи Цай» эти единицы функционируют не только как экзотизмы: использование китайских лексем на месте русскоязычных аналогов *опиумная курительня* и *наркотическая ломка* позволяет автору избежать снижения стилистической окраски текста и сохранить общую направленность на эстетизацию изображаемого.

Продуктивным языковым средством репрезентации иной культуры является калькирование – использование «выражения, созданного по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов»⁷, или буквальный, дословный перевод иноязычного устойчивого выражения. При анализе репрезентации лингвокультурного

¹ Маринова Е. В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 138.

² Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение, 1985. С. 350.

³ Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. Санкт-Петербург, 1998. С. 19–20.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ 罗竹风, 汉语大词典. 第7卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1991. Луо Чжунфэн. Китайский словарь. В 7 тт. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1991. С. 185. Перевод на русский язык цитируемых в статье фрагментов китайских источников выполнен Ли Цзябао.

⁶ Там же. С. 1557.

⁷ Добродомов И. Г. Калька // Русский язык: Энциклопедия / главный редактор Ю. Н. Караулов. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 175.

поля «Курение опиума» нами отмечен 1 такой факт – употребление фразеологической кальки *мягкий камень*:

Наконечник был из мягкого камня и приятно ласкал губы, когда в чашечке курился и булькал темный плавящийся шарик («Возвращение г-жи Цай»).

Словосочетание *мягкий камень* на первый взгляд выглядит как оксюморон – «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными (в широком смысле) отношениями»¹. Однако обычно оксюморон используется для того, чтобы «передать противоречивость и/или сложную природу объекта изображения»². Стилистический анализ приведенного фрагмента и текста рассказа в целом показывает, что в данном случае эта функция не реализуется. На наш взгляд, словосочетание *мягкий камень* здесь используется в качестве средства выражения этнокультурного сознания героя и представляет собой неточную (трансформированную) кальку китайского наименования материала, из которого изготавливались опиумные трубки, – 滑石 *huá shí*. С одной стороны, в китайском языке данное сочетание является терминологическим наименованием талька – минерала из класса силикатов³, который входит в состав талькохлорита – природного декоративного материала, широко используемого для изготовления разных предметов обихода и прикладного искусства. С другой стороны, 滑石 буквально переводится с китайского как «скользящий камень», «гладкий камень»⁴: одно из отличительных свойств талька и содержащих его минеральных соединений – приятная на ощупь текстура. Именно это свойство подчеркивается Б. Юльским в приведенном контексте: герой рассказа г-н Цай наслаждается не только вдыхая пары опиума, но и прикасаясь губами к гладкой поверхности наконечника трубки.

Наиболее разнообразно лингвокультурное поле «Курение опиума» представлено русскоязычными номинациями китайских реалий. Под реалиями в данном случае понимаются не «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому»⁵, а их денотаты – те явления и предметы, которые они называют, «этнические или национальные особенности, получившие отражение в данном языке, но не переводимые на другие (или переводимые только описательно)»⁶. В нашем случае это предметы китайской культуры, которые русский писатель в рамках своего художественного замысла репрезентирует русскоязычному читателю.

¹ Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Москва: Флинта, 2011. С. 195.

² Там же. С. 197.

³ 现代汉语词典. 第6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. С. 558.

⁴ Там же. С. 1175.

⁵ Ромова О. М. Понятие «реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 63.

⁶ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. Москва: ЭКСМО, 2006. 669 с.

В составе рассматриваемого поля нами зафиксировано 12 русскоязычных единиц, называющих китайские реалии. Из них 6 используются в качестве наименований наркотического вещества: *опиум*, *опий*, *шарик*, *комочек*, *коричневое снадобье*, *мак*.

Номинация *опиум* (11 случаев употребления), например:

Почтенный господин Цай курил опиум в продолжение более чем пятнадцати лет («Возвращение г-жи Цай»);

– Небо видит, у меня нет пяти тысяч... – с грустью закончил он. – Поэтому сегодня мы курим в последний раз, а вечером я засну тем сном, который дает опиум, и больше никогда не проснусь («Возвращение г-жи Цай»);

В промасленной бумаге лежал кусочек сырого опиума («Возвращение г-жи Цай»).

Номинация *опий* (4 примера, включая прилагательное *опийный*):

Он говорил ей о том, что теперь крысе придется приходить к нему ежедневно, так как сейчас ей будет, наверное, очень трудно провести хотя бы день без опийного дыма («Возвращение г-жи Цай»).

Кроме того, наркотическое вещество в рассказе обозначается номинацией *мак* (1 пример):

Сейчас должен был поплыть по комнате густой аромат мака («Возвращение г-жи Цай»).

В русском языке, согласно толковым словарям, *опий* (от греч. *ópiou*) – «высушенный млечный сок из незрелых семенных головок мака, являющийся сильным наркотиком (используется в фармакологии для производства обезболивающих и успокаивающих препаратов)»¹.

Лексема *опиум* (от лат. *opium*) толкуется в словарях, во-первых, как абсолютный синоним лексемы *опий*: «1. = Опий. *Куришь о.*», а во-вторых, как имеющая переносное, метафорическое значение «2. О том, что отупляет разум, сознание, мешает правильному восприятию действительности»².

Вместе с тем «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке» указывает на отличия в значении и употреблении лексем *опиум* и *опий*: «В знач. «наркотик» – обычно опиум. *Контрабандный ввоз опиума*. В знач. «болеутоляющее и снотворное средство» – обычно опий. *Капли с раствором опия*»³. То есть на самом деле *опиум* и *опий* не являются в русском языке абсолютными синонимами, и, опираясь на данные словарей, можно сделать вывод, что в русском представлении *опий* больше связан с медициной, фармакологией, а *опиум* – с наркотиками. Не случайно именно у слова *опиум* развилось переносное негативнооценочное значение – «то, что одурманивает, мешает реальному восприятию действительности». Это дает основания полагать, что в русской картине мира *опиум* обладает отрицательной коннотацией.

¹ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

² Там же.

³ Горбачевич К. С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.

В тексте рассказа «Возвращение г-жи Цай» номинации *опиум* и *опий* используются как синонимы, они имеют одинаковую сочетаемость и называют один и тот же денотат:

Поджарив опиум, господин Цай готовил из него аккуратные темные шарики и начинал курить («Возвращение г-жи Цай»);

Опий поджаривался, пальцы господина Цай методично вращали иглы, а в торжественном выражении его лица таилась великая философия малого спокойствия жизни («Возвращение г-жи Цай»);

Она совсем не боялась его, и острая мордочка ее тянулась к трубке, над чашечкой которой струился тонкий дымок опиума («Возвращение г-жи Цай»);

И, дунув на крысу дымом опия, сказал: – Кури, и пусть мысли твои станут светлыми и легкими («Возвращение г-жи Цай»).

В тексте утрачивается семантическая оппозиция между лексемами *опиум* и *опий*, но в целом использование этих номинаций носит не негативнооценочный, а позитивнооценочный характер:

И он знал, что густой белый дым опиума может сделать эту боль не столь сильной, не столь мучительной («Возвращение г-жи Цай») (см. также предыдущий пример).

В китайском языке опиум/опий обозначается лексемами 鴉片 *yā piàn*, 阿片 *ā piàn*, 大烟 *dà yān*, 烟土 *yān tǔ*.

Согласно китайским словарям:

鴉片 *yā piàn* – «название наркотика, изготовленного из млечного сока плодов мака»¹;

阿片 *ā piàn* – «молочная жидкость, полученная из незрелых плодов мака, которая при высыхании становится бледно-желтой и коричневой; имеет горький вкус; в медицине используется как противодиарейное и болеутоляющее средство; вызывает привыкание, является наркотиком. При употреблении в качестве наркотика его называют 鴉片 *yā piàn*»²;

大烟 *dà yān* (букв. «большой дым») – «общеизвестное название опиума»³;

烟土 *yān tǔ* (букв. «дымная почва», «земля для курения») – «опиум-сырец»⁴.

Как видим из этих толкований, в китайском языке также есть противопоставление опиума как лекарства (что в русском закреплено за словом *опий*) и опиума как наркотика. В первом значении обычно используется 阿片 *ā piàn*, а во втором – 鴉片 *yā piàn*. В тексте русского писателя речь идет именно о 鴉片 *yā piàn*. Но при этом наркотику в рассказе, как уже отмечалось выше, приписываются «лечебные» свойства: опиум/опий помогает г-ну Цаю залечить душевную рану, вызванную потерей

¹ 罗竹风, 汉语大词典. 第12卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1993. Луо Чжунфэн. Китайский словарь. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1993. С. 1070.

² 现代汉语词典. 第6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. С. 1.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 1493.

любимой супруги. Это проявляется и в том, что для обозначения опиума автор выбирает также номинацию *коричневое снадобье* (1 пример):

*Он курил дома, зажигая на своем кане маленькую лампочку с круглым стеклом и переворачивая над огнем серебряными иглами пузырящийся комочек **коричневого снадобья*** («Возвращение г-жи Цай»).

Слово *снадобье* обозначает в русском языке «лекарство, приготовленное из различных целебных трав и веществ»¹. То есть для героя рассказа Б. Юльского опиум имеет исцеляющее свойство. В его представлении опиум не одурманивает человека, а, наоборот, делает его мысли «светлыми и легкими». Это дает основание полагать, что в рассказе Б. Юльского отражено возвышенное, поэтизированное отношение к опиуму, которое характерно не для русской, а для китайской картины мира рубежа XIX и XX веков.

О позитивнооценочной коннотации изображения опиума в рассказе Б. Юльского косвенно свидетельствует и использование деминутивов в качестве номинаций порций опиума:

*Поджарив опиум, господин Цай готовил из него аккуратные темные **шарики** и начинал курить* («Возвращение г-жи Цай»);

*Он воткнул иглу в **комочек** липкого опиума и, придерживая его другой иглой, собирался поднести к лампочке* («Возвращение г-жи Цай»).

Русские лексемы *шарик* (2 примера) и *комочек* (1 пример), указывающие на объемную сферическую форму предмета, в данном случае обозначают порцию вещества, которое в китайском языке называется 烟膏 *yān gāo* («опиумная паста»). В отличие от китайской номинации, указывающей на состав и субстанцию денотата, русская номинация передает его внешний облик – шарообразную форму и небольшой размер, но вместе с тем выражает и особое эмоциональное отношение к нему.

4 лексемы в составе тематической группы «Курение опиума» относятся к наименованиям приспособлений для его употребления: *трубка* (9 фактов употребления), *лампочка* (7), *игла* (5), *чашечка* (3).

Главным предметом в процессе курения опиума является *трубка*, поэтому данная номинация в этой группе самая частотная (8 примеров, 9 фактов употребления). Контекстуально-семантический анализ показывает, что слово *трубка* в тексте рассказа «Возвращение г-жи Цай» используется в 3-х значениях:

1) инструмент для курения опиума:

***Трубка**, принадлежавшая ему, была старой и ценной* («Возвращение г-жи Цай»);

2) определенное количество опиума, которое помещается в трубку:

*Когда же кончилась последняя **трубка**, крыса скользнула в угол, зашуршав обоями* («Возвращение г-жи Цай»);

3) процесс курения – время, в течение которого выкуривается одна трубка:

*А однажды, когда господин Цай надолго задумался за **трубкой**, он увидел, что крыса сидит уже на кане* («Возвращение г-жи Цай»).

Основным, исходным является 1-е значение.

¹ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

В русском языке, согласно словарям, *трубка* — «курительный прибор, состоящий из мундштука и чашечки для табака»¹.

В тексте рассказа речь идет не о трубке для курения табака, а о предмете китайской культуры *烟枪 yān qiāng* (букв. «курительное орудие (орудие курения)») — трубке для курения опиума².

Как видим, китайская номинация *烟枪 yān qiāng* опирается на признак функции («орудие для курения»), а русская номинация *трубка* — на признак внешнего облика (предмет определенной формы).

Согласно европейским источникам, конфигурация типичной опиумной трубки состоит из длинного стержня, керамической чаши и металлического фитинга, известного как «седло», через которое чаша соединяется со стержнем трубки. Чаша трубки должна отделяться от стержня, чтобы можно было снимать чашу и очищать ее внутреннюю поверхность от опиумной гари после того, как было выкурено несколько трубок. Стержни опиумных трубок обычно делались из бамбука, но использовались и другие материалы, такие как слоновая кость и серебро. Чаши для трубок обычно изготавливались из керамических материалов, таких как синий или белый фарфор. Иногда чаши для опиумных трубок вырезались из более ценных материалов, таких как нефрит³.

В китайских источниках трубка для курения опиума *烟枪 yān qiāng* описывается несколько иначе. Она включает:

мундштук — *烟嘴 yān zuǐ* (букв. «дымовой рот»);

чубук с дымовым каналом — *烟杆 yān gān* (букв. «дымовая трубка, дымовой стержень»);

металлическую головку — *烟头 yān tóu* (букв. «дымовая голова»), которая может соединять дымовой канал и чашу;

чашу — *烟葫芦 yān hú lú* (букв. «курительная тыква»), также известную как *烟斗 yān dòu* (букв. «дымовая мера (порция дыма)»)⁴.

Для обозначения мундштука трубки *烟嘴 yān zuǐ* русский писатель использует номинацию *наконечник* (1 пример):

Наконечник был из мягкого камня и приятно ласкал губы, когда в чашечке курился и булькал темный плавящийся шарик («Возвращение г-жи Цай»).

Для обозначения трубочной чаши *烟葫芦 yān hú lú* (или *烟斗 yān dòu*) используется номинация *чашечка* (3 факта употребления), например:

¹ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

² 罗竹风, 汉语大词典. 第7卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1991. Луо Чжунфэн. Китайский словарь. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1991. С. 182.

³ Opium pipe // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Opium_pipe#cite_note-2 (дата обращения: 23.03.2022).

⁴ 谢滨, 沈晨光. 沉重的鸦片烟枪. 文物鉴定与鉴赏, 2011. Се Бинь, Шен Ченгуан. Тяжелое наследие прошлого — опиумная трубка // Идентификация и оценка культурных артефактов, 2011.

Из нее курили чьи-то деды и прадеды, и она имела вид человеческой руки, сжимавшей пальцами темную обкуренную чашечку («Возвращение г-жи Цай»).

Согласно китайским словарям, 烟斗 yān dǒu – «нижний конец трубки для курения опиума, представляющий собой чашеобразный металлический (или керамический) сосуд, в котором сжигаются опиумные шарики»¹, т. е. в основе китайской номинации лежат признаки внешнего вида (чашеобразная форма) и функции (сосуд, вместилище). Те же семантические признаки характерны и для русских лексем *чаша* и *чашка*, но Б. Юльский использует для обозначения этой реалии деминутив *чашечка*, выражая этим оценочное отношение – особое пристрастие персонажа к процессу.

Еще одним важным предметом в процессе курения опиума является *лампочка* (7 примеров употребления):

В первый раз он зажег свою лампочку и поднес ко рту трубку на следующий день после того, как покинула этот мир душа его первой и единственной супруги, госпожи Цай Цзи-шенъ («Возвращение г-жи Цай»);

Господин Цай зевал, жестом руки отгоняя от рта нехороших духов, и шел к сундуку, где хранились трубка и лампочка («Возвращение г-жи Цай»);

На следующий день, снова в тот момент, когда господин Цай зажег на кане лампочку, из угла появилась крыса («Возвращение г-жи Цай»).

«Большой толковый словарь русского языка» дает следующие значения слова *лампочка*: «1. Уменьш. к Лампа (1 зн.). 2. Стекланный баллон с излучающей свет раскаленной нитью из тугоплавкого накаливающегося проводника. Перегоревшая л. Вывернуть лампочку из патрона. Л. в сорок ватт»; а 1-е значение слова *лампа* определяется как «осветительный прибор (различного вида и устройства)»². При такой трактовке *лампочка* – это исключительно устройство для освещения.

Вместе с тем толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой толкует слово *лампа* как «осветительный или нагревательный прибор различного вида и устройства»³, т. е. *лампочкой* в русском языке можно назвать и небольшое нагревательное устройство, например, ароматическую лампу.

В рассказе Б. Юльского «Возвращение г-жи Цай» русская лексема *лампочка* называет именно нагревательное устройство – емкость, под которой находится фитиль, который нужно зажечь, чтобы разогреть опиум, находящийся в емкости:

В тот день, с которого начинается эта история, старый господин Цай лег в обычной позе на кан и поправил серебряной иглой фитиль лампочки, горевшей длинным языком огня («Возвращение г-жи Цай»).

В китайском языке этот предмет мог называться по-разному:

¹ 罗竹风, 汉语大词典. 第7卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1991. Луо Чжунфэн. Китайский словарь. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1991. С. 174.

² Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.

鸦片灯 yā piàn dēng (букв. «опиумная лампа»), где 灯 dēng – «прибор, в котором сжигают жидкость или газ для нагревания какого-то вещества, материала»¹;

烟灯 yān dēng (букв. «курительная лампа») – «лампа, используемая для курения опиума»²;

毒灯 dú dēng (букв. «ядовитая лампа»): «В середине XIX века в результате раз-
вернутой британцами торговли опиумом в Китае появились специальные лампы для
разогревания опиума. Предназначение таких ламп – не в освещении, а в пригото-
влении курительного опиума»³.

В русском литературном языке для обозначения такого нагревательного прибора
скорее подходит слово *горелка* – «приспособление для горения жидкости, газа или
пылевидного топлива в осветительных и нагревательных приборах»⁴, но в русско-
язычных текстах, посвященных курению опиума, он называется *лампа, опиумная
лампа, опийная лампа*⁵. Возможно, это семантическая калька из китайского языка.

При описании процесса употребления опиума также используется номинация *иг-
ла* (5 фактов употребления):

*Опий поджаривался, пальцы господина Цай методично вращали иглы, а в тор-
жественном выражении его лица таилась великая философия малого спокойствия
жизни* («Возвращение г-жи Цай»);

Господин Цай опустил иглу с опиумом и посмотрел («Возвращение г-жи Цай»).

Русское слово *игла* в данном случае используется в значении «металлический
стержень обычно с заостренным концом, различного назначения и вида»⁶.

В тексте рассказа *иглой* называется предмет китайской культуры 烟杆子 yān qiān
zǐ (букв. «предмет для натекания опиума») – маленький шуп из металла или бамбу-
кового дерева. При курении опиума его используют для отделения порции опиумной
массы и для чистки опиумной трубки⁷.

В данном случае китайская номинация также опирается на признак функции (ин-
струмент), тогда как русскоязычная – в основном на признак внешнего вида, формы.

К лингвокультурному полю «Курение опиума» мы также отнесли русскоязычные
номинации *мак, маковое поле* (по 1 примеру употребления):

¹ 现代汉语词典. 第6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页. Словарь современного китайского
языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. С. 273.

² 李臻. 重编国语辞典修订本. 台湾商务印书馆, 1994. Ли Сянь. Исправленная версия слова-
рия китайского языка. Тайваньское коммерческое издательство, 1994.

³ 百度百科.毒灯. Байду байкэ // Ду Дэн. URL:
<https://baike.baidu.com/item/%E9%B8%A6%E7%89%87%E7%81%AF/5375420?fr=aladdin> (дата
обращения: 08.04.2022).

⁴ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор
С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

⁵ Запретные удовольствия: курение опиума – модный порок викторианской эпохи. URL:
<https://kulturologia.ru/blogs/280815/25999/> (дата обращения: 23.03.2022).

⁶ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор
С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

⁷ 罗竹风, 汉语大词典. 第7卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1991. Луо Чжунфэн. Китайский сло-
варь. В 7 тт. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1991. С. 180.

*И внезапно останавливаемся: перед нами раскидывается засеянное среди травы небольшое **маковое поле** («Путь Дракона»);*

*– **Мак?**.. – изумляется командир взвода. – Однако, ловкий старик! («Путь Дракона»).*

В русском языке, согласно словарям, лексема *мак* имеет следующие значения: «1. Травянистое растение сем. маковых с крупными цветками (часто красного цвета), содержащее млечный сок и дающее плод в виде коробочки с мелкими семенами. *Сеять м. М. зацвел. Полевой м. Покраснел, как м. 2. собир.* Семена этого растения, употребляемые в пищу. *Пирог с маком. Посыпать маком булку.* <Маковый, -ая, -ое. М-ое семя. М-ые головки. М. пряник. М-ая булочка>¹. То есть в словарном толковании не содержится указаний на то, что мак может быть источником наркотического вещества, отсюда можно сделать вывод, что в стандартном русском языковом сознании растение мак не ассоциируется с опиумом.

Согласно китайским словарям, 罂粟 *yīng sù* – «однолетнее или двулетнее травянистое растение, покрытое белой пылью; с продолговатыми зубчатыми листьями; красными, розовыми или белыми цветами; шарообразными плодами. Когда плод незрелый, кожа лопается и вытекает молочно-белая жидкость, которая может применяться для изготовления опиума. Коробочки мака можно использовать как лекарство»². В китайских словарях содержится указание на то, что растение мак служит сырьем для изготовления наркотика, т. е. мак в китайском языковом сознании имеет прямую ассоциацию с опиумом.

В русской картине мира *маковое поле* – это большая территория, покрытая красивыми цветами, как правило, не специально высаженными, а имеющими природное происхождение (полевыми). А в китайской картине мира маковое поле – 罂粟地 *yīng sù dì* – это участок земли, специально засаженный маками для дальнейшего приготовления из их плодов опиума. Именно такое представление о маковом поле отражено в тексте Б. Юльского, так как выращивание мака с целью изготовления опиума было особенно широко распространено в Северо-Восточном Китае, на территории которого и происходит действие рассказов Б. Юльского.

Общий анализ русскоязычных номинаций китайских реалий в рассказах Б. Юльского показал, что при выборе номинаций писатель опирается, с одной стороны, на то, что является общим для разных культур, так как без этого невозможно понимание. С другой стороны, акцент делается на отличиях, которые позволяют отразить самобытность, своеобразие китайской культуры, ее непохожесть на русскую.

Выводы

В целом семантико-прагматический анализ зафиксированного материала позволяет сделать вывод, что лингвокультурное поле «Курение опиума» представлено в рассказах Б. Юльского в позитивнооценочном ключе – как совокупность культур-

¹ Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

² 现代汉语词典. 第6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. С. 1560.

ных реалий, связанных с избавлением от тягот и душевных страданий, обретением спокойствия. Данная идея отражает традиционную китайскую картину мира.

Каждая из выявленных разновидностей языковых средств репрезентации поля выполняет важные стилистические функции в тексте.

Лексемы-китаизмы, с одной стороны, функционируют как экзотизмы, придавая художественному повествованию эффект аутентичности, с другой стороны, их употребление на месте гипотетически возможных русскоязычных аналогов позволяет автору избежать стилистической сниженности и представить процесс курения опиума возвышенно-поэтизированным.

Калька, воспроизводящая идиоматическое китайское выражение, дает возможность не только показать русскому читателю материальную реалию бытовой, повседневной культуры, но и передать особую атмосферу, настроение, в котором пребывает герой, – безмятежное наслаждение и душевный покой.

Русскоязычные номинации китайских реалий, относящихся к курению опиума, также передают позитивное эмоционально-оценочное отношение, но главным их свойством является изобразительность: они формируют в сознании русского читателя визуальный образ называемых предметов, позволяя ему не просто получить интересную информацию об иной культуре, а погрузиться в эту культуру и почувствовать ее.

Все это в комплексе работает как единая система языковых средств художественного воплощения инокультурного бытия и сознания в пространстве русскоязычного текста.

Список источников

- Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). Москва: РУДН, 1997. 331 с.
- Горбачевич К. С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
- Добродомов И. Г. Калька // Русский язык: Энциклопедия / главный редактор Ю. Н. Караулов. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 175.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.
- Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169.
- Кабачки В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. Санкт-Петербург, 1998. 232 с.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. Москва: ЭКСМО, 2006. 669 с.
- Маринова Е. В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 138–142.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под редакцией В. В. Лопатина. Москва: АСТ, 2009. 432 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение, 1985. 399 с.
- Ромова О. М. Понятие «реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 60–63.

Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Москва: Флинта, 2011. 480 с.

Юльский Б. М. Зеленый легион: повесть и рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 560 с.

Opium pipe // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Opium_pipe#cite_note-2 (дата обращения: 23.03.2022).

百度百科. 毒灯. Байду байкэ // Ду Дэн. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%B8%A6%E7%89%87%E7%81%AF/5375420?fr=aladdin> (дата обращения: 08.04.2022).

李鑒. 重编国语辞典修订本. 台湾商务印书馆, 1994. Ли Сянь. Исправленная версия словаря китайского языка. Тайваньское коммерческое издательство, 1994.

罗竹风, 汉语大词典. 12卷, 上海: 汉语大词典出版社, 1986–1993. Луо Чжуфэн. Китайский словарь. Шанхай: Chinese Dictionary Press, 1986–1993.

谢滨, 沈晨光. 沉重的鸦片烟枪. 文物鉴定与鉴赏, 2011. Се Бинь, Шен Ченгуан. Тяжелое наследие прошлого – опиумная трубка // Идентификация и оценка культурных артефактов, 2011.

现代汉语词典. 第6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1874页. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2012. 1874 с.

References

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language; ed. by S. A. Kuznetsov]. St Petersburg: Norint, 1998. 1536 p.

Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiia (teoriia i metody)* [Linguoculturology (theory and methods)]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 1997. 331 p.

Gorbachevich K. S. *Slovar' trudnostei proiznosheniia i udarenii v sovremennom russkom iazyke* [Dictionary of difficulties in pronunciation and stress in modern Russian]. St Petersburg: Norint, 2000.

Dobrodomov I. G. Kal'ka [Calque]. *Russkii iazyk: Entsiklopediia* [The Russian language: Encyclopedia; ed. by Iu. N. Karaulov]. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia; Drofa, 1997, p. 175.

Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-forming]. Moscow: Russkii iazyk, 2000.

Zabiiako A. A. *Mifologiiia dal'nevostochnogo frontira v soznanii pisatelei-emigrantov* [Mythology of the Far Eastern frontier in the minds of emigrant writers]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2011, no. 2, pp. 154–169.

Kabakchi V. V. *Osnovy angloiazychnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundamentals of English-language intercultural communication]. St Petersburg, 1998. 232 p.

Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: EKSMO, 2006. 669 p.

Marinova E. V. *Ekzoticheskaia leksika kak lingvisticheskii fenomen* [Exotic vocabulary as a linguistic phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiiia* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Philology]. 2003, no. 1, pp. 138–142.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Full academic guide; ed. by V. V. Lopatin]. Moscow: AST, 2009. 432 p.

Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-

reference book of linguistic terms]. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 399 p.

Romova O. M. Poniatie «realiia» v riadu drugih nauchnykh terminov v lingvistike [Concept re-
alia among other scientific terms in linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo
universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguis-
tics], 2010, no. 2, pp. 60–63.

Skovorodnikov A. P. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrizitel'nye sredstva russkogo
iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary. Expressive means of the Russian
language and speech errors and shortcomings]. Moscow: Flinta, 2011. 480 p.

Iul'skii B. M. *Zelenyi legion: povest' i rasskazy* [A green legion: a prose piece and short stories].
Vladivostok: Al'manakh «Rubezh», 2011. 560 p.

Opium pipe. *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Opium_pipe#cite_note-2 (ac-
cessed: 23.03.2022).

Baidu baiku. *Du Den*. Available at: <https://baiku.baidu.com/item/%E9%B8%A6%E7%89%87%E7%81%AF/5375420?fr=aladdin> (accessed: 08.04.2022).

Li Sian'. *Ispravlennoia versiia slovaria kitaiskogo iazyka* [Corrected version of the Chinese dic-
tionary]. Taivan'skoe kommercheskoe izdatel'stvo, 1994.

Luo Chzhufen. *Kitaiskii slovar'* [Chinese dictionary: in 12 vols.]. Shangkai: Chinese Dictionary
Press, 1986–1993.

Se Bin', Shen Chenguan. Tiazheloe nasledie proshlogo – opiumnaia trubka [The difficult legacy
of the past is the opium pipe]. *Identifikatsiia i otsenka kul'turnykh artefaktov* [Identification and as-
sessment of cultural artifacts], 2011.

Slovar' sovremennogo kitaiskogo iazyka [Dictionary of the modern Chinese language]. Pekin:
Kommercheskaia pressa, 2012. 1874 p.

Сведения об авторах

Ли Цзябао – аспирант, <https://orcid.org/0000-0001-7898-6656>, 1092788587@qq.com, Дальне-
восточный федеральный университет (690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский,
п. Аякс, 10); Li Jiabao – Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0001-7898-6656>,
1092788587@qq.com, Far Eastern Federal University (Primorsky Krai, 10 Aiaks, Russky Island,
690922 Vladivostok, Russian Federation).

Наталья Сергеевна Миланчук – кандидат филологических наук, доцент,
<https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>, mlnchk@mail.ru, Дальневосточный федеральный универ-
ситет (690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10); Natalia S. Milian-
chuk – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>,
mlnchk@mail.ru, Far Eastern Federal University (Primorsky Krai, 10 Aiaks, Russky Island,
690922 Vladivostok, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку пуб-
ликации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare
no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 08.11.2022; Approved after reviewing 29.11.2022; Accepted for pub-
lication 05.12.2022.